

Место ударения и диалектные особенности в удмуртских материалах, собранных в XVIII в. Г.Ф. Миллером и Й.Э. Фишером:

Комментарии к статье Л.М. Ившина «Материалы Й.Э. Фишера по удмуртскому языку: лингвистическая характеристика»¹

Поводом к написанию настоящей статьи явилось замечание проф. Э. Винклера, которому мы приносим благодарность за его интерес к публикациям журнала и готовность предоставить необходимые статьи и данные по проблемам памятников удмуртской письменности. Когда в марте 2010 г. по результатам заседания редколлегии журнала было принято решение о составе статей второго номера и разослан анонс этих статей, мы получили письмо от проф. Э. Винклера, в котором выражалось удивление, что будет опубликована статья, посвященная материалам по удмуртской письменности, собранным Й.Э. Фишером, поскольку, как доказывается в статье [Winkler 1997], удмуртский материал, опубликованный Й.Э. Фишером, полностью списан с данных Г.Ф. Миллера. Мы передали это возражение Л.М. Ившину. На это он возразил, что не согласен с утверждением Э. Винклера, поскольку считает, что в материалах Й.Э. Фишера и Г.Ф. Миллера есть содержательные, нетривиальные различия, и привел список из десяти слов по спискам Й.Э. Фишера и Г.Ф. Миллера, в которых полностью совпадают только три слова.

Наличие противоречивых мнений по поводу подлинности и научной ценности списка удмуртских слов Й.Э. Фишера доказывает необходимость решения этого вопроса, но представляется, что список из десяти слов, приведенный Л.М. Ившиным, не может считаться окончательным аргументом в этой дискуссии. Необходимо проанализировать полные корпуса слов, опубликованные Й.Э. Фишером и Г.Ф. Миллером, и собрать список всех различий в этих материалах, постараться выяснить характер этих отличий, установить, могут ли они быть связаны только с описками Й.Э. Фишера при переписывании анкет Г.Ф. Миллера, либо имеют более содержательный характер. Разбору этой проблемы посвящены первый и второй разделы настоящей статьи.

В третьей части работы мы обращаемся к другому вопросу, которому, собственно, и посвящена статья Л.М. Ившина: разнообразной передаче ряда удмуртских гласных звуков с помощью нескольких немецких графем и выявлению причин этой неоднозначности транскрипции. Л.М. Ившин приходит к выводу, что это связано с тем, что список собирался в различных диалектных зонах удмуртского языка. Однако в его интерпретации транскрипция выглядит несколько бессистемно: по мнению Л.М. Ившина, в разных словах из списка Й.Э. Фишера случайным образом проявляются то северные, то южные диалектные черты, а ряде случаев даже не удается понять, для какого именно диалекта характерно то или иное явление, поскольку в настоящее время оно присутствует в нескольких диалектных зонах удмуртского языка. Предположение о том, что эта неоднозначная передача звуков связана не с диалектными вариантами, а с неустоявшимся способом записи одних и тех же звуков, отсутствующих в немецком языке, несостоятельно, если мы принимаем гипотезу Л.М. Ившина о подлинности списка Й.Э. Фишера. Невозможно предположить, что два исследователя (Фишер и Миллер) независимо допускали одни и те же графические колебания при передаче удмуртских звуков.

Простое предположение о том, что особенности графики в материалах Фишера и Миллера могут быть распределены по их локализации в определенных частях списка, как представляется, дает принципиально новые возможности для описания распространения диалектов в XVIII в.

1. Различия в удмуртских списках слов, собранных Й.Э. Фишером и Г.Ф. Миллером

Здесь мы собрали полный корпус различий между удмуртскими списками Й.Э. Фишера и Г.Ф. Миллера². Различия бывают двух типов: 1) в латинской передаче одного и того же удмуртского слова у Фишера и Миллера различается буквенный состав, 2) буквенный состав совпадает, но различаются над-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 08-04-00201а и гранта Президиума РАН «Акцентологические характеристики селькупского языка».

² Вслед за Л.М. Ившиным список Й.Э. Фишера цитируется по [Csúcs 1983], список Г.Ф. Миллера по [Миллер 2005].

строчные знаки³. Бывают также случаи, когда есть различия и в буквенном составе, и в надстрочных знаках. Как будет доказано ниже, целесообразно изучать различия первого и второго типа отдельно.

В следующей таблице приводится список различий первого типа. Они поделены на несколько тематических групп, чтобы показать, что эти различия возникали не спонтанно, как ошибки при переписывании, а за ними стоит та или иная система передачи удмуртских фонем латиницей.

**Таблица 1. Различия в буквенном составе удмуртских слов в списках
Й.Э. Фишера и Г.Ф. Миллера**

	Й.Э. Фишер⁴	Г.Ф. Миллер
Передача мягкости	<i>adjämi</i> 'человек'	<i>Adjami</i>
	<i>árnä</i> 'неделя'	<i>Arna</i>
Передача сонорных в конце слова	<i>piëll</i> 'ухо'	<i>Piel</i>
	<i>warr</i> 'слуга'	<i>War</i>
Передача -s	<i>küs</i> 'пузырь'	<i>Küss</i>
	<i>ssed-uswès</i> 'свинец'	<i>Ssed-uswèss</i>
	<i>tédi-uswès</i> 'олово'	<i>Tedi-uswèss</i>
Появление -h в конце слова	<i>lümüh</i> 'снег'	<i>Lümü</i>
	<i>luðh</i> 'песок'	<i>Luð</i>
	<i>muntschò</i> 'баня'	<i>Muntschòh</i>
	<i>urobò</i> 'повозка'	<i>Urobòh</i>
Несистемные несоответствия	<i>doss</i> 'десять'	<i>Dass</i>
	<i>diü</i> 'верблюд'	<i>Dü</i>
	<i>gósy</i> 'веревка'	<i>Gósj</i>
	<i>kuspi</i> 'береза'	<i>Küspi</i>
	<i>nel</i> 'стрела'	<i>Niél</i>
	<i>tödi-tui</i> 'латунь'	<i>Tédi-Tui</i>
	<i>telês</i> 'месяц'	<i>Tolês</i>
	<i>wui</i> 'масло'	<i>Wuy</i>
	<i>parsspi</i> 'поросенок'	<i>Párspi</i>
Ошибки у Миллера, правильная передача удмуртских слов у Фишера	<i>tschuckasä</i> 'утро'	<i>Tschuikasä</i>
	<i>pochtsch-árnä</i> 'четверг'	<i>Poch-árnä</i>

Таким образом, видно, что различия в графике немногочисленны, но некоторые из них имеют системный характер. Но, в принципе, теоретически нельзя исключить, что эти различия появились в результате внесения Й.Э. Фишером некоторых изменений при переписывании списка с данных, собранных Г.Ф. Миллером.

Гораздо более интригующими представляются результаты анализа данных по месту ударения в списках Й.Э. Фишера и Г.Ф. Миллера.

II. Сравнительный анализ места ударения в удмуртских материалах Й.Э. Фишера и Г.Ф. Миллера и в коми-язьвинском диалектах

Анализируя место ударения в удмуртских словах в списках Й.Э. Фишера и Г.Ф. Миллера и в этимологических аналогах этих слов в коми-язьвинском диалекте, мы пришли к поразительному выводу:

в словах с финно-угорской этимологией (т.е. в исконной лексике) место ударения в удмуртских словах (в тех случаях, когда слово имеет ударение в списках Фишера и Миллера) и в этимологических аналогах⁵ этих слов в коми-язьвинском диалекте всегда совпадает⁶.

³ В списках Г.Ф. Миллера и Й.Э. Фишера помечено ударение в удмуртских словах. Принята следующая система записи: если ударение падает не на последний слог, то оно отмечается акутом, если на последний, то грависом. Эта система очень четко выдерживается в материалах Г.Ф. Миллера, в списках Й.Э. Фишера присутствуют некоторые сбои, в ряде случаев ударение на последнем слоге также отмечается акутом.

⁴ Здесь не рассматриваются случаи, когда в списке Й.Э. Фишера встречаются ошибки (подробнее см. [Csúcs 1983]).

⁵ Данные об этимологиях коми-язьвинских и удмуртских слов взяты из [Лыткин, Гуляев 1970].

⁶ Некоторое несоответствие между местом ударения в коми-язьвинских словах и их этимологических аналогах в списках Г.Ф. Миллера и Й.Э. Фишера наблюдаются только в тех случаях, когда место ударения в каком-то слове не совпадает в этих двух списках (см. далее группы 3, 4), либо слово не имеет финно-пермской этимологии (группа 5), либо в первом слоге слова представлен рефлекс прафиннопермского долгого гласного (группа 5).

Таблица 2. Группа 1

Фишер	Миллер	Коми-язьвинский диалект ⁷
<i>tschúni</i> 'жеребенок'	<i>Tschúni</i>	ч'ан' (ч'án'ис)
<i>déddi</i> 'сани'	<i>Déddi</i>	д'д'эн
<i>gógi</i> 'пупок'	<i>Gógi</i>	гэ́г (гэ́гэн)
<i>gósy</i> 'веревка'	<i>Gósiy</i>	гиз (гíзэн)
<i>iskò</i> 'спать'	<i>Iskò</i>	уз'нá
<i>jedi</i> 'ячмень'	<i>Jedi</i>	идйá
<i>hulèm</i> 'умирать'	<i>Kulèm</i>	кулнá
<i>kúmìs</i> 'зеленый лук'	<i>Kúmìs</i>	ку́мич'
<i>kurèk</i> 'курица'	<i>Kurèk</i>	курáг
<i>pénmet</i> 'темный'	<i>Pénmet</i>	пíмэт
<i>pukskò</i> 'сизу'	<i>Pukskò</i>	пукáлнэ
<i>pukòn</i> 'стул'	<i>Pukòn</i>	пукáлнэ
<i>púni</i> 'ложка'	<i>Púni</i>	пан' (пán'эн)
<i>púrti</i> 'котел'	<i>Púrti</i>	пýртис
<i>sülskò</i> 'я стою'	<i>Sülskò</i>	сулáлнэ
<i>surèss</i> 'дорога'	<i>Surèss</i>	с'урдú 'позвоночник'
<i>sútèm</i> 'голодный'	<i>Sútèm</i>	с'имáлнэ кэнáм
<i>schúndi</i> 'солнце'	<i>Schúndi</i>	шóнди
<i>schúnut</i> 'теплый'	<i>Schúnut</i>	шóнэт

Наиболее важной для целей настоящей работы (доказательства научной ценности материалов Й.Э. Фишера) является группа 2. Она состоит из слов, в которых место ударения в списке Фишера совпадает с местом ударения в их этимологических аналогах в коми-язьвинском языке, а в списке Миллера ударение отсутствует.

Таблица 3. Группа 2

Фишер	Миллер	Коми-язьвинский диалект
<i>ditschi</i> 'лисица'	<i>Ditschi</i>	р'үч' (р'үч'ис)
<i>júggut</i> 'светлый'	<i>Juggut</i>	й'үга
<i>mi sülskàm</i> 'мы стоим'	<i>Sülkom</i>	сулáлнэ
<i>mon sülskò</i> 'я стою'	<i>Mon sülsko</i>	сулáлнэ
<i>mon pukskò</i> 'я сизу'	<i>Mon puksko</i>	пукáлнэ
<i>wi sülem</i> 'вы стоите'	<i>Wi sülem</i>	сулáлнэ
<i>ton sülskò</i> 'ты стоишь'	<i>Ton sülsko</i>	сулáлнэ
<i>dschidtasä</i> 'вечер'	<i>Dschasa</i>	рэтс'á 'вечерний'
<i>nisèk</i> 'рожь'	<i>Ziseck</i>	р'үз'áг, р'үз'óг

Следующая группа слов (группа 3) также демонстрирует, что ударение в списках у Фишера и Миллера не всегда совпадает, но в тех случаях, когда оно различается, у Миллера запись более точная. Группа 3 состоит из слов, в которых место ударения в списке Миллера совпадает с местом ударения в их этимологических аналогах в коми-язьвинском диалекте, а в списке Фишера ударение стоит на другом слоге.

Таблица 4. Группа 3

Фишер	Миллер	Коми-язьвинский диалект
<i>tschorik</i> 'рыба'	<i>Tschórik</i>	ч'эри
<i>túron</i> 'трава, сено'	<i>Turòn</i>	турáн, турóн

Группа 4 состоит из слов, в которых в списке Миллера ударение отсутствует, а списке Фишера противоречит коми-язьвинским данным.

Таблица 5. Группа 4

Фишер	Миллер	Коми-язьвинский диалект
<i>atskò</i> 'я вижу'	<i>Atsko</i>	áз'з'илно
<i>týnnine</i> 'идти'	<i>Mynnine</i>	муннá

⁷ Здесь и далее данные по коми-язьвинскому диалекту приводятся по [Лыткин 1961].

Видимо, в группах 3 и 4 представлены слова, в которых Й.Э. Фишер допустил ошибки⁸. Небольшое количество таких слов доказывает, что данные по ударению в удмуртском языке, собранные Й.Э. Фишером, достаточно точные.

Последняя группа (группа 5) состоит из слов, которые можно назвать «настоящие исключения». В этих словах ударение в списке Фишера и латинской части списка Миллера совпадает, но отличается от места ударения в этимологических аналогах этих слов в коми-язьвинском диалекте. Правда, важно отметить, что **в кириллической части списка Миллера ударение в этих словах отсутствует.**

Таблица 6. Группа 5⁹

Фишер	Миллер	Коми-язьвинский диалект
<i>bürdèm</i> 'плач'	<i>Bürdèm</i>	<i>бурдам</i>
<i>júni</i> 'пить'	<i>Júni</i>	<i>йунá</i>
<i>sermèt</i> 'узда'	<i>Sermèt</i>	<i>с'эрмэт</i>

Оказывается, что два из трех исключений могут быть объяснены. В слове удм. *júni* 'пить', кя. *júni* 'пить' в первом слоге представлен рефлекс этимологически долгого гласного (ср. фин. *juo*- 'пить'). Как было показано в монографии [Норманская 2008], на этимологически долгие гласные правило о рефлексации ударения, разработанное на этимологических кратких гласных, не распространяется.

Слово удм. *sermèt* 'узда', коми *с'эрмэт* 'узда', по мнению многих исследователей, является марийским заимствованием (ср. мар. *шөрмыч*, диал. *se'rməts*, *šórmüt's'* 'узда'), см. подробный анализ литературы в [Хаузенберг 1973]. Г. Берецки, наоборот, предлагает гипотезу о заимствовании марийских слов из пермских языков. В любом случае ФП этимология **s'ermVtti* 'узда' [Sammallahti 1988], которая состоит из сравнения пермских и марийских слов, представляется более чем проблематичной.

Слово удм. *bürdèm* 'плач', кя. *бурдам* также не имеет по [UEW] финно-пермской этимологии.

Таким образом, видно, что:

1) В латинской части списка Миллера есть три исключения (группа 5), в которых место ударения не совпадает с местом ударения в этимологических аналогах этих слов в коми-язьвинском диалекте. В одном из этих слов представлен этимологически долгий гласный, два других не имеют финно-пермской этимологии и могут быть заимствованиями, т.е. место ударения в них может просто совпадать с местом ударения в этих словах в языке-источнике. Так, например, в заимствованиях из татарского языка в списках Фишера и Миллера в большинстве случаев место ударения совпадает с местом ударения в татарских словах. Во всех остальных словах в латинской части списка Миллера место ударения совпадает с местом ударения в этимологических аналогах рассматриваемых слов в коми-язьвинском диалекте.

2) В списке Фишера ударение в удмуртских словах в семи случаях (группы 3, 4, 5) отличается от места ударения в коми-язьвинском диалекте. Вероятно, большее число исключений в списке Фишера по сравнению со списком Миллера связано с меньшей точностью данных первого исследователя. Это проявилось и при передаче Й.Э. Фишером удмуртских звуков с помощью немецких графем. Количество опечаток / описок в его работе несравнимо больше, чем у Г.Ф. Миллера. С другой стороны, группа 2, которая состоит из девяти слов, в которых в списке Фишера место ударения совпадает с местом ударения в их этимологических аналогах в коми-язьвинском диалекте, а у Миллера ударение отсутствует, доказывает, что Й.Э. Фишер ставил ударение не случайным образом и не переписал его с данных Миллера.

Возникает вопрос: почему место ударения в списках Фишера и Миллера совпадает с местом ударения в этимологических аналогах рассматриваемых слов именно в коми-язьвинском диалекте? Не является ли это совпадение случайным? Есть ли еще какие-то доказательства того, что место ударения, представленное в коми-язьвинском диалекте и в списках Фишера и Миллера в удмуртском языке, является рефлексом прапермского места ударения, сохранившимся в этих языках без изменения?

Для ответа на этот вопрос обратимся к работе [Норманская, в печати], в которой доказывается, что место ударения в коми-язьвинском языке совпадало с прапермским. Нам удалось показать, что ударение было решающим фактором не только для развития синкопы в пермских языках, как показал М. Гайслер [Geisler 2005], но и для развития всей системы вокализма от ПУ / ФУ / ФП языка к современным пермским языкам.

В результате анализа полного корпуса этимологий по [UEW] было выявлено, что в прапермском языке шло принципиально разное развитие вокализма в «палатализующей» позиции¹⁰ и в нейтральной

⁸ Необходима проверка этих слов по архивным материалам Й.Э. Фишера, возможно, ошибки в знаках ударения были допущены при типографском наборе.

⁹ В этой группе не рассматривается сравнение удм. *suzer* 'младшая сестра', коми *sozor*, кя *so'zør* 'переслежина (в холсте)', поскольку оно представляется семантически ненадежным.

¹⁰ Перед следующими согласным и группам согласных: ПУ / ФУ / ФП **s', *śk, *ć, *čk, *ń, *ńc, *ńc', *j, *jk, *t (> ПП *0), *ŋ (> ПП *0), *ŋć, *l / δ, *lj, *lw, *lm, *k (> ПП *0), *ks', *p (> ПП *0), *pś, *šj, *rś, *rj.*

позиции. Интересно, что в «палатализирующих» позициях не представлены обычные прапермские фонемы, которые традиционно реконструируются [Лыткин 1964]. В них представлены особые соответствия гласных, подробное исследование которых в коми и удмуртских диалектах еще предстоит провести¹¹.

В нейтральной позиции развитие ПУ / ФУ / ФП гласных первого слога зависит от места прапермского ударения и ПУ / ФУ / ФП гласных второго слога. Нами был проанализирован полный материал этимологий по [UEW], в которых нет палатализирующих позиций и представлен рефлекс в коми-язьвинском диалекте. В результате мы предлагаем следующую концепцию развития ПУ / ФУ / ФП вокализма первого слога в коми и удмуртских диалектах.

Таблица 7. Развитие вокализма первого слога в прапермском языке

ПУ / ФУ / ФП	Ударение на первом слоге	Ударение на втором слоге
*a-a	*a	*u, *i
*o-a	*a, *o	*u, *i
*u-a	*o	*i
*i-a	*i, *o	*i
*ä-ä	*e	*i
*ü-ü	*e	*i
*e-ä	*o, e (?)	*u
*i-ä	_____	_____
*a-e	*ε	*u, *i
*u-e	*ε	*u, *i
*o-e	*ō	*u, *i
*e-e	*ō, e (?)	*u
*ä-e	*ε	*i
*ü-e	*ε	*i
*i-e	*e	*i

Таблица 8. Развитие прапермских фонем в современных коми и удмуртских диалектах¹²

ПП	Коми — Удм.
*a	вс. o, кя. u, остальные o — u
*o	вс. o, остальные o — u
*ō	вс. o, кя. u, остальные o — юз. ш, остальные u
*e	e — e, o
*ε	виш., воств. ó, остальные ε — общеудмуртский e, остальные ε
*i	воств. ε, кя. i, остальные e — остальные o
*u	u — u
*i	виш., воств. ш, кя. ə, остальные i — юз. ə, остальные i

Таким образом, оказывается, что предложенная нами гипотеза о возможности экстраполяции ударения, синхронно представленного в коми-язьвинском языке, на прапермский уровень, и принципиальном влиянии этого места ударения на развитие вокализма в коми и удмуртском языках получила новое подтверждение на материале древнеудмуртских списков Г.Ф. Миллера и Й.Э. Фишера. Ранее считалось, что в удмуртском языке ударение практически фиксировано на первом слоге, теперь мы видим, что в древнеудмуртском языке оно фактически, за исключением заимствований, совпадало с местом ударения в коми-язьвинском языке. Эти данные доказывают необходимость реконструировать для прапермского языка разноместное ударение, которое практически без изменений сохранялось и в современном коми-язьвинском диалекте, и в древнеудмуртском языке в записях Г.Ф. Миллера и Й.Э. Фишера.

¹¹ Отметим лишь, что в этой позиции для развития прапермского вокализма тоже является решающим прапермское ударение. Правило, которое ниже сформулировано для нейтральной позиции, что под ударением в прапермском языке появляется широкий гласный, а без ударения — узкий, действует без исключений и в «палатализирующих» позициях.

¹² Здесь мы не концентрируемся на фонетической интерпретации полученного списка прапермских фонем, которые встречаются в нейтральной позиции. Мы постарались их обозначить максимально приближенно к традиционному способу обозначения, принятому, например, в работе [Лыткин 1964]. В нескольких местах мы позволили себе отступить от транскрипции В.И. Лыткина и убрать диакритические пометы, которые представляются излишними, в частности, например, потому что второй член оппозиции по закрытости vs открытости в нейтральной позиции не встречается. Представляется, что новую фонетическую интерпретацию прапермским фонемам целесообразно давать после полного завершения составления списка фонем, которые встречаются не только в нейтральной, но и в палатализирующей позиции.

С учетом предложенной нами реконструкции системы вокализма, даже без рефлексов того или иного слова в коми-язьвинских диалектах, на основании рефлексов гласных в других коми и удмуртских диалектах можно восстановить прапермское место ударения. Если в диалектах в первом слоге представлены рефлексы ПП **i*, **u*, а в палатализирующей позиции коми, удм. *i*, то ударение было на втором слоге, если рефлексы других гласных — то на первом.

Рассмотрим слова, у которых нет рефлексов в коми-язьвинском диалекте, но в списках Фишера или Миллера проставлено ударение и есть рефлекс в других диалектах коми языка. Оказывается, что в этих случаях прапермское и древнеудмуртское место ударения также полностью совпадают.

1) ПП ударение на первом слоге: в диалектах коми представлены рефлексы не ПП **i*, **u*, в палатализирующей позиции *i*, а других ПП гласных.

Таблица 9

Фишер	Миллер	Пермские языки
<i>gósti</i> 'писать'	<i>Gósti</i>	коми <i>gižni</i> , уд. <i>gežni</i> , удм. <i>gožjani</i> 'писать'
<i>sárni</i> 'золото'	<i>Sárni</i>	коми, удм. <i>zarn'i</i> 'золото'
<i>góndir</i> 'медведь'	<i>Gondir</i>	коми <i>gundir</i> 'многоголовое чудовище, гидра, дракон, змей', удм. <i>gondir</i> 'медведь'
<i>sáris</i> 'море'	<i>Saris</i>	коми <i>sariz'</i> , удм. <i>zarez'</i>

2) ПП ударение на втором слоге: в коми и удмуртском языках представлены рефлексы ПП **i*, **u*, в палатализирующей позиции *i*.

Таблица 10

Фишер	Миллер	Пермские языки
<i>isi</i> 'шапка'	<i>Isi</i>	коми <i>uz'</i> 'шапка суслона, верхний сноп суслона', удм. <i>iz'i</i> , <i>iz'i</i> , <i>uz'i</i> 'шапка'
<i>irgòn</i> 'медь'	<i>Irgòn</i>	коми <i>irgen</i> , удм. <i>irgon</i>
<i>pillèm</i> 'облако'	<i>Pillèm</i>	коми <i>piv</i> 'туча, облако', удм. <i>pilem</i> 'туча'
<i>sustèl</i> 'свеча'	<i>Sustèl</i>	коми <i>s'is'tas'ni</i> 'примазаться, присоединиться, пристать', <i>s'us'</i> 'воск'
<i>kusò</i> 'хозяин'	<i>Kuso</i>	коми <i>kuz'</i> 'леший, хозяин леса', удм. <i>kuz'o</i> 'хозяин'
<i>nulèss</i> 'пихта'	<i>Nulèss</i>	коми <i>n'il</i> , удм. <i>n'ilpu</i>
<i>sisim</i> 'семь'	<i>Sisim</i>	коми <i>s'iz'im</i> ¹³ , удм. <i>s'iz'im</i>
<i>tilò-burdò</i> 'птица'	<i>Tilo-burdo</i>	коми <i>tiv</i> 'маховое перо птицы', удм. <i>tili</i> 'перо (птицы)'

Мы видим, что и при разборе этих слов примерно в половине случаев ударение в списке Миллера отсутствует, а в списке Фишера проставлено и точно соответствует прапермскому месту ударения. Таким образом, материал по ударению в списке Й.Э. Фишера, более богатый по сравнению со списком Г.Ф. Миллера, получил неожиданную поддержку со стороны коми-язьвинских и, в конечном счете, прапермских данных. Этот факт, вероятно, является достаточно серьезным доказательством того, что список Й.Э. Фишера не был простой копией списка Г.Ф. Миллера.

¹³ В словаре [Лыткин 1961] приводится рефлекс этого слова в кя диалекте *s'iz'im* (устаревшее). Ударение в коми-язьвинском выглядит необъяснимым, оно противоречит правилу, сформулированному самим же В.И. Лыткиным, по которому при этимологических (прапермских) узких гласных в первом слоге ударение падает на второй слог. Мы предполагаем, что, поскольку у слова дана помета «устар.», оно уже вышло из употребления, и ударение проставлено неточно.

III. Анализ удмуртских материалов Й.Э. Фишера и Г.Ф. Миллера с точки зрения их диалектных особенностей

В статье Л.М. Ившина обращает на себя внимание тот факт, что некоторые удмуртские гласные фонемы в транскрипции Й.Э. Фишера¹⁴ могли передаваться несколькими различными способами, в частности, гласный *j* передается немецкими буквами *ii, i, u, ui, u¹⁵, e, o, a*; гласный *ε* передается немецкими буквами *e, i, ii, u, e / ö¹⁶*, гласный *e* передается немецкими буквами *e, ie, ä, i*.

Такая неоднозначная передача этих удмуртских звуков привлекает внимание исследователя. Но еще больше удивляет тот факт, что Г.Ф. Миллер и Й.Э. Фишер передавали эти звуки в каждом конкретном слове абсолютно единообразно. Если записи Фишера не переписаны с материалов Миллера, то объяснить это многообразие можно, только предположив, что ученые действительно слышали разные звуки на месте, например, общеудмуртского *j*.

Л.М. Ившин выдвигает предположение, что Й.Э. Фишер собирал материал от носителей разных северо- и южноудмуртских диалектов. И носители этих диалектов по-разному произносили, в частности, тот звук, который в современном удмуртском литературном языке звучит как *j*.

Мы обратили внимание на то, что у этих трех гласных звуков *j, ε, e* есть один (два) наиболее частотных способа их передачи, а другие варианты более редкие. Так вот, оказывается, что эти более редкие способы гнездами распределяются по списку. То есть передача *j*, например, через *ui* находится в одном локальном месте списка — №№ 174—187 и под.

Ниже приводятся информация о распределении способов передачи трех гласных звуков *j, ε, e* по пронумерованному¹⁷ списку слов:

III.1. Наиболее частотные¹⁸ способы передачи удмуртского гласного *j* в записях Г.Ф. Миллера и Й.Э. Фишера — это *i* и *ii*. Такая передача встречается во всех частях списка.

Передача удм. *j* через *ui* встречается в списках Г.Ф. Миллера и Й.Э. Фишера в следующих словах: *muïs 174* ‘икра’, *puis 175* ‘мука’, *wuisci / wischi 184* ‘корень’, *buisch 187* ‘хвост’.

Передача удм. *j* через *e* встречается в списках Г.Ф. Миллера и Й.Э. Фишера в словах¹⁹: *isene 197* ‘спать’, *weräne 203* ‘сказать’, *myñnine 205* ‘идти’, *pénmet 234* ‘темный’.

III.2. Наиболее частотный²⁰ способ передачи удмуртского гласного *ε* в записях Г.Ф. Миллера и Й.Э. Фишера — это *e*. Он встречается в следующих словах: *jegù 42* ‘погреб (яма со льдом)’, *ssed-uswès 51* ‘свиноец’, *nel 123* ‘sagitta, тетива’, *déddi 125* ‘сани’, *tschêsch 163* ‘anas’, *jel 167* ‘молоко’.

Второй способ передачи, который встречается неоднократно — с помощью буквы *ii*: *küss-nunal 25* ‘сухой день, Dies Saturni, суббота’; *bürdèm 216* ‘lacrimo, плач’; *küss 238* ‘siccus, сухой’.

¹⁴ Поскольку, как было показано выше, в разделе I настоящей статьи, графические различия в буквенной транскрипции между списками Фишера и Миллера сравнительно невелики и все перечислены выше, здесь и далее в тех случаях, когда речь идет о передаче той или иной удмуртской фонемы различными немецкими буквами в списке Фишера, передача ее в списке Миллера аналогична. В тех случаях, когда это не так, специально дается пояснение.

¹⁵ У Миллера буква *u* не используется для передачи удм. *j*. При передаче удм. *kjs'pi*, которое, по Фишеру, *kuspi* ‘береза’, Миллер использует в первом слоге знак *ii*: *Küspi*.

¹⁶ У Миллера нет передачи *ε* через *ö*.

¹⁷ Нумерация списка приводится по [Тепляшина 1965], поскольку в изданных и архивных списках Фишера и Миллера список слов не был пронумерован. А в работе [Тепляшина 1965] порядок следования слов в списке Г.Ф.Миллера не был изменен, но была добавлена нумерация.

¹⁸ Есть четыре способа передачи удм. *j*, которые в записях Й.Э. Фишера и Г.Ф. Миллера встречаются по одному разу: удм. *j* передается через *u* в списке Г.Ф. Миллера один раз: *myñnine 205*¹⁸ ‘идти’, в списке Й.Э. Фишера два раза *gósy 127* ‘веревка’, *myñnine 205* ‘идти’; передача удм. *j* через *u* встречается только в списке Й.Э. Фишера: *kuspi 181* ‘береза’; передача удм. *j* через *o* встречается в списках Г.Ф. Миллера и Й.Э. Фишера: в списке Миллера *mónskö*, Фишера: *monsko 208* ‘иду’; передача удм. *j* через *a* тоже встречается в списках Г.Ф. Миллера и Й.Э. Фишера: в списке Миллера *tibar*, Фишера *tibar 94* ‘спина’.

¹⁹ В эту группу не включается *jedì 172* ‘ячмень’, поскольку данные удмуртских диалектов не указывают однозначно на удм. *j*, ср. удм. гл. *jedí* ‘ячмень’ [WW, 77].

²⁰ Способы передачи, которые в записях Й.Э. Фишера и Г.Ф. Миллера встречаются по одному разу: с помощью буквы *i*: *tillo 5* ‘ventus, ветренный’; с помощью буквы *u*: в списке Миллера *Wuu*; Фишера — *wui 168* ‘butyrum, oleum, масло’; с помощью буквы *e* в списке Миллера: *Tédi* — и в списке Фишера с помощью букв *e / ö*: *tédi 223* (*tödi-tuj 49*) ‘albus, белый’.

III.3. Удмуртский гласный *e* в большинстве случаев²¹ передается немецкой буквой *e*. Такой способ передачи встречается практически во всех частях списка.

Второй по частотности способ передачи, который встречается исключительно в последнем слоге многосложного слова, — с помощью буквы *ä*: *ssoräk* ‘pluvia, дождь идет’; *dshidtasä* ‘vesper, вечер (вечером)’; *tschugä* ‘verberare, (он, она) бьет’; *so süllä* ‘stat, он (она) стоит’; *tschuckasä* ‘cras, завтра’; *tunnä* ‘hodie, сегодня’; *ussä* ‘perendie, послезавтра’. Как отмечается в [Кельмаков 1998: 53], во всех удмуртских диалектах фонема *e* в абсолютном исходе слова выступает в открытом варианте, который в публикациях Б. Мункачи отмечался буквой *ä*, в работах же Ю. Вихманна — знаком *ε*, например: (Munkacsi) *kel'tä* ~ (Wichmann) *kel'te* ‘оставляет’. Можно обратить внимание, что в рассматриваемых примерах из материалов Фишера и Миллера передача *e* через *ä* как раз и встречается исключительно²² в последнем открытом слоге многосложного слова. Поэтому гипотеза Л.М. Ившина о том, что передача *e* через *ä* в рассматриваемых словах связана с появлением в отдельных говорах периферийно-южного диалекта гласного *ä*, который развился под влиянием татарского языка, представляется не вполне убедительной. Во-первых, в указанных говорах гласный *ä* появился на месте удм. *a*, а не *e* [Кельмаков 1998: 58]. Во-вторых, очевидно, что в материалах Фишера и Миллера отражение *e* через *ä* характерно лишь для одной, строго определенной позиции.

В двух случаях также зафиксирована передача с помощью сочетания *ie*: в списке Миллера *piél*, в списке Фишера *piëll* 77 ‘auges, ухо’; *sapiëk* 102 ‘oscreae, сапоги’.

Таким образом, на основании анализа способов передачи удмуртских звуков *j*, *ε* с помощью различных немецких букв выделяются несколько диалектных частей списка:

I часть — №№ 1—25: особая передача удмуртского гласного *ε* с помощью *ü*.

II часть — №№ 26—196: стандартная (наиболее частотная) передача всех удмуртских гласных: *e* с помощью *e*; *j* с помощью *i* и *ii*.

III часть — №№ 197—250: особая передача *j* с помощью *e*; *ε* с помощью *ii*.

Как показано в работе [Кельмаков 1998], отражение гласных, схожее с передачей, характерной для второй части списка, является наиболее типичным для удмуртских диалектов: оно присуще северным, срединным диалектам, а также большинству южных говоров.

Обратимся к анализу передачи удмуртских фонем, представленной в первой и третьей частях списка. По [Кельмаков 1998], аналогичные изменения рассматриваемых гласных произошли в периферийных южноудмуртских диалектах:

1) удм. *ε* (в большинстве удмуртских диалектов — неогубленный гласный среднего подъема среднего ряда) в говорах периферийно-южного диалекта: кукморском, шошминском, бавлинском, татышлинском, красноуфимском, а также в говоре д. Варклет-Бодья (южный диалект) перешло в огубленный гласный среднего подъема передне-среднего ряда, который несколько напоминает аналогичный гласный *o* финского и венгерского языков, но, в отличие от последних, удмуртский *ö*° имеет несколько отодвинутый назад характер, ср. передачу *ε* в первой и третьей частях списка как *ii*.

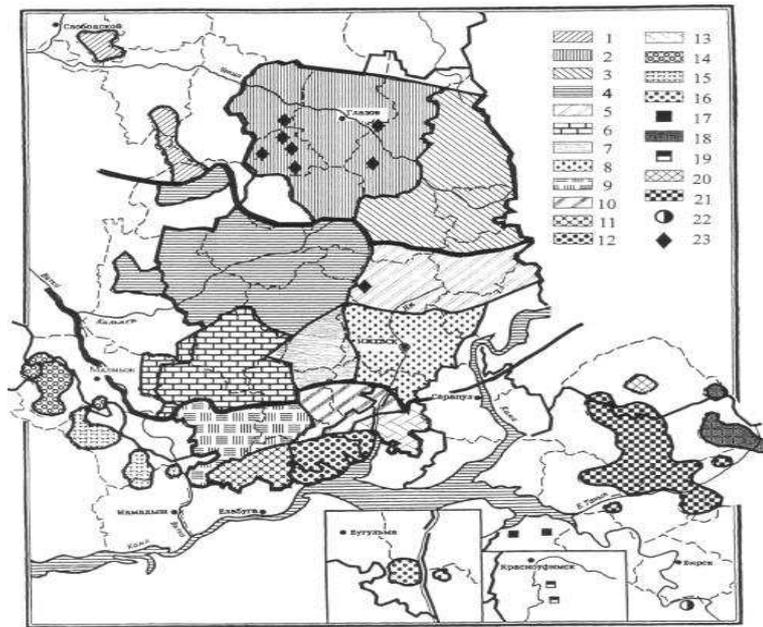
2) удм. *j* (в большинстве удмуртских диалектов — неогубленный гласный верхнего подъема среднего ряда) в красноуфимском говоре (периферийный южный диалект) значительно продвинут вперед, среднего ряда [Насибуллин 1978], ср. передачу *j* как *e* в третьей части списка.

Таким образом, можно предположить, что первая часть материала (№ 1—25) собрана у носителей южных периферийных говоров (кукморского, шошминского, бавлинского, татышлинского), вторая часть материала (№ 26—196) у носителей северных или срединных говоров, а третья часть (№ 197—250) у носителей красноуфимского говора.

Теперь посмотрим, насколько лингвистические гипотезы, сделанные на основании анализа различной передачи удмуртских фонем в трех частях списка, соответствуют маршруту Второй камчатской экспедиции и карте распространения удмуртских диалектов.

²¹ В одном случае он передается с помощью буквы *i*: в списке Миллера *diü*, в списке Фишера *dui* ‘camelus, верблюд’.

²² Единственным исключением является *ssoräk* ‘pluvia, дождь идет’ в списке Фишера, но в этом слове у Фишера, вероятно, как предполагается в [Тепляшина 1965], присутствует опечатка, поскольку у Миллера зафиксирован вариант *ssorä*, который соответствует данным современных удмуртских диалектов. Интересно, что есть лишь один случай передачи *e* через *e* в открытом последнем слоге: *betschkë* [bečke] ‘dolum, бочка’. Вероятно, это исключение объясняется тем, что ‘бочка’ является поздним заимствованием из русского языка, и здесь не идет речь о передаче общеудмуртского *e*.

КАРТА УДМУРТСКИХ ДИАЛЕКТОВ²³**I. Северное наречие:**

1 — нижнечепецкие говоры; 2 — среднечепецкие говоры; 3 — верхнечепецкие говоры (включая тыловый говор).

II. Срединные говоры:

4 — среднезападные говоры (включая прикильмезские говоры); 5 — средневосточные говоры; 6 — привалинские говоры; 7 — нылгинский говор; 8 — приижские: средне- и верхнеижский говоры.

III. Южное наречие:

a) центральноюжный (собственно южный) диалект:

9 — кизнерские и можгинские говоры; 10 — среднеюжные говоры; 11 — граховские говоры; 12 — алнашские (нижнеижские) говоры; 13 — кырымасские говоры;

b) периферийно-южный диалект:

14 — шошминский говор; 15 — кукморский говор; 16 — бавлинский говор (юго-восток Татарстана и прилегающие территории Башкирии); 17 — ташкичинский говор; 18 — татышлинский говор; 19 — красноуфимский говор (в Свердловской области); 20 — шагиртский говор; 21 — буйско-таныпский говор; 22 — канлинский говор.

IV. Бесермянское наречие (23).

Маршрут Второй камчатской экспедиции известен. На территории распространения удмуртского языка он был следующим: Хлынов (Вятка, Киров) — Соликамск — Туринск.

Мы предполагаем, что первая часть списка была собрана у носителей шошминского говора (периферийно-южный диалект), который и сейчас представлен в Кировской области, затем экспедиция въехала в район северных, затем срединных говоров, там собрана вторая, самая большая часть списка, третья часть списка собрана у носителей красноуфимского, самого восточного удмуртского говора, который располагается наиболее близко к Туринску. Возможно, что во времена Второй камчатской экспедиции территории, занимаемые носителями южного периферийного диалекта, были обширнее. Но в любом случае видно, что анализ карты удмуртских диалектов и маршрута Второй камчатской экспедиции точно подтверждает и даже позволяет уточнить результаты, полученные нами с помощью лингвистического анализа списка удмуртских слов.

Итак, проведенное нами исследование показывает: причина передачи удмуртских гласных фонем с помощью различных немецких графем состоит не в том, что Й.Э. Фишер и Г.Ф. Миллер не знали, как записать соответствующий звук, а в том, что список слов был собран в различных диалектных зонах. Анализ распределения различных типов интерпретации гласных по частям списка позволяет выявить их связь с диалектными различиями в собранном материале.

Изучение этих данных и сопоставление их с архивными материалами о маршруте экспедиции может

²³ Публикуется по изданию [Насибуллин 2000].

помочь уточнить границы удмуртских диалектных ареалов в XVIII в. и установить, какие из фонетических изменений, характеризующих диалекты, уже произошли в то время. Представляется, что примененный нами метод может быть использован и при анализе диалектных материалов, собранных по другим языкам Г.Ф. Миллером, Й.Э. Фишером и другими исследователями. Весьма вероятно, что это позволит получить принципиально новую информацию об особенностях диалектов уральских языков прошлых столетий.

Сокращения

диал. — диалект
мар. — марийский
коми

виш. — вишерский
воств. — восточновычегодский
вс. — верхнесысольский
кя. — коми-язьвинский
уд. — удорский

ПП — прапермский
ПУ — прауральский
удм. — удмуртский
гл. — глазовский
юз. — юзовский
фин. — финский
ФП — финнопермский
ФУ — финноугорский

Литература

- Кельмаков 1998 — *Кельмаков В.К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск, 1998.
- Лыткин 1961 — *Лыткин В.И.* Коми-язьвинский диалект. М., 1961.
- Лыткин 1964 — *Лыткин В.И.* Исторический вокализм пермских языков. М., 1964.
- Лыткин, Гуляев 1970 — *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Этимологический словарь коми языка. М., 1970.
- Миллер 2005 — Г.Ф. Миллер. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков... (репринт издания 1791): К 300-летию со дня рождения Г.Ф. Миллера // Г.Ф. Миллер и изучение уральских народов (материалы круглого стола) / Hrsg. *Helinski E.* Hamburg, 2005.
- Насибуллин 1978 — *Насибуллин Р.Ш.* Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Ижевск, 1978.
- Насибуллин 2000 — *Насибуллин Р.Ш.* Удмуртские диалекты — идеальный объект для лингвогеографических исследований // *Studia geographiam linguarum pertinentia. Eesti keele instituudi toimetused*, 6. Tallinn, 2000.
- Норманская 2008 — *Норманская Ю.В.* Реконструкция прафинно-волжского ударения. М., 2008.
- Норманская, в печати — *Норманская Ю.В.* Новый взгляд на историю пермского вокализма: описание развития вокализма первого слога в коми и удмуртском языках в зависимости от прапермского ударения и гласного второго слога // Уралистика. СПб, в печати.
- Тепляшина 1965 — *Тепляшина Т.И.* Памятники удмуртской письменности XVIII века. М., 1965.
- Хаузенберг 1973 — *Хаузенберг А.Р.* Названия животных в коми языке // *Keel ja Kirjanclus*. Tallinn. 1973, 8.
- Csúcs 1983 — *Csúcs S.* Egy 18. századi votjak nyelvmemlek // *NyK*. 1983, 2 (85). O. 311—320.
- Geisler 2005 — *Geisler M.* Vokal-Null-Alternation, Synkope und Akzent in den permischen Sprachen. Wiesbaden, 2005.
- Sammallahti 1988 — *Sammallahti P.* Historical Phonology of the Uralic Languages // *The Uralic Languages: Description, History, and Foreign Influences*. Brill, 1988.
- Winkler 1997 — *Winkler E.* Zum Göttinger Vocabularium Sibiricum // *JSFOu*. 1997, 87. P. 281—308.
- WW — *Wichmann Y.* Wotjakische Wortschatz / Aufgezeichnet *Wichmann Y.*, bearb. *Uotila T.E., Korhonen M.*, hrsg. *Korhonen M.* Helsinki, 1987 (Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XXI).

SUMMARY

In the first part of the article all differences between I. Fisher's and G. Miller's wordlists are collected and analyzed. In the second part of the article we show that the study of the place of accent in these lists proves that the list of I. Fisher is not a simple copy of G. Miller's one. The place of accent in these lists coincides with the place of accent in etymological analogues of these words in Komi-Yazva language and, seemingly, this accentuation must be reconstructed on the Proto-Permian level. In the third part of the article the reasons for the transfer of Udmurt vowel phoneme are analyzed with help of various German graphemes.